

с. 1-2

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Журнальное обозрѣніе.

IV.

Почти все и даже почти нищущее эти строки, приходится говорить о г. Бобрыкине, которому было посвящено предъидущее журнальное обозрѣніе. Разница, однако, въ томъ, что теперь на него не приходится надеяться за рассказъ «Али» («Съверный Вѣстникъ» — апрѣль), какъ попадали мы на «Горлевозъ». Содержание рассказа писанное. Вернемъ въ Крымъ, надо думать, еще по извѣстнымъ подробностямъ, въ Алушту, пріѣхавъ тридцатисемилѣтній вѣтербурскій крупный чиновникъ Ляхутинъ. Онъ попалъ въ первый разъ на южный берегъ. Будни природа сдѣлала его, будто, молодое. Въ природѣ на помощь пришла и любовь. Въ Крыму онъ встрѣтилъ молодую вдову Михайлову. Они встрѣтились когда-то, при томъ, что была, но оба забыли объ этомъ встрѣчаніи. Желая любви обаяла Ляхутинъ съ красивой вдовой. Они скоро подружились. Онъ полюбилъ и ее дружеское вниманіе готовъ былъ сдѣлать за отвѣтъ на его чувства. Онъ сталъ ей проповѣдывать о свободѣ чувства любви, а она его внимательно слушала. Она все еще читала Жюль-Сенъ и привѣтила себя въ ее героини. Ляхутинъ сомнѣвался ей жить не по книжкамъ. Она послушалась его совѣтовъ и полюбила, но полюбила не его, проповѣдника и друга, а татарскаго подростка, красавца Али. Влюбилась она до того сильно, что и строгіе своихъ чувствъ не показала и того же Ляхутинъ выбрала полюбившимъ своимъ тайно. Онъ, еще развѣ ее признанія, съ болью въ сердцѣ и съ поспѣшными страданіями догадался, въ чемъ дѣло, а потому случайно увидѣлъ, какъ Михайлова трепала Али по шее, лаская его. Въ признаніи своемъ она цинично развалила обреченному вѣчному, невѣдомому еще счастью, съ эгоизмомъ любви, какъ бы не зашла тотъ, терзала сердце Ляхутина. «А какъ завидно?

Ха! ха!» хранила она его. Когда онъ обидѣлся, исполнился гнѣвомъ, негодованіемъ, она удивилась: «За что? За то, что я начала жить? Въдѣ, это великое счастье быть такою, какъ я теперь» и шепотомъ прибавила: «Вы думаете... все уже кончено? Нѣтъ! Далеко нѣтъ, и вотъ это-то и есть высшее блаженство!» Ляхутинъ, оставивъ Михайлову ждать разговора съ пошлаго, искусственно опоздывавшаго романа, отошелъ отъ нея. Его перемѣлъ, его возмущать въ молодости погубилъ. Больше для него уже невозможна такая любовь. «Радость жизни отлетѣла, и навсегда» Приключеніе, изложенное въ этой повѣсти, само по себѣ, съ фактической стороны мало вѣроятно. Репутація крымскихъ татаръ-проводниковъ давно и прочно установлена. Много про нихъ сочиняютъ неблазнь, но, и на самомъ дѣлѣ, они не бѣды любовными приключеніями. Только приключенія эти совсѣмъ особаго свойства. Это — просто похотливый, низменныя похотенія разныхъ бысншихся съ жиро барынь, — просто удовольствіе самой низкой чувственности, такъ же мало похотное на любовь, какъ и заурядныя похотенія въ той же сферѣ мужчинъ. Влюбиться въ татарина, сдѣлать изъ любви этой какую-то поэму едва ли доводилось какой бы то ни было женщиной. Съ этой стороны повѣсть г. Бобрыкина слаба, но ея достоинство въ анализѣ чувствъ Ляхутина и Михайловой. Въ какую бы среду, хотя бы даже фантастическую, они ни были поставлены, это почти все равно для насъ. Важно, что чувства описаны вѣрно. Натуръ Ляхутина, дожившаго почти до сорока лѣтъ въ одинокомъ дѣловомъ бездѣлѣ, натуръ Михайловой, отмыченной, впечатлительной, сантиментальной, достаточно было малѣйшаго толчка, чтобы полюбить. Полюбить просто, непосредственно, онъ не могъ, онъ не былъ способенъ головой вылезъ броситься въ охватившую его страсть и любить не раздумывая, силно, нахально, побѣдительно. Будь онъ способенъ на такую любовь, Михайлова, обстоятельная поставленная въ постоянное съ нимъ общеніе, не стала бы искать другого предмета страсти. Она, никогда не

жившая, хотя и бывшая женою, въ тридцати годахъ дошла до той минуты, когда женщина готова гасить въ объятіи любви, какъ созрѣвшій плодъ готовъ упасть съ дерева. Она такъ охвачена жаждою этого чувства любви, что не можетъ даже разсуждать. Али, который только физически своей здоровой, крѣпкой юношеской красотой, можетъ отвѣтить на запросы ея, ее удовлетворять. Она не ищетъ ускорить развязку и не старается ее отдалить. Она счастлива настоящей минутой. — минутой страстного истиннаго ожиданія. Вся полная сладострастія, она, какъ самка кошачьей породы, красивая пантера или тигрица, потягиваясь габками членами и запуская когти въ землю, ползаетъ и выдыхаетъ расширенными ноздрями ей только внятный запахъ приближающагося самца. Въ этомъ описаніи сладострастія побѣдить ее можетъ только сила, какая-бы то ни была, а Ляхутинъ — это сама слабость. Случайно природа посадила на время рядомъ этотъ гребъ, выросшій подъ большими небомъ съвернаго Петербурга — Ляхутинъ, и этотъ роскошный цвѣтокъ, ослѣпительно благоухающій, пока онъ цвѣтѣтъ, и пахнущій трупомъ, когда завянетъ, — Михайлову. Они могутъ расти рядомъ, но никакъ вѣтеръ страсти, перенесъ пылъ одного въ чашечку другого, не дастъ жизни любовной жизни, или сближенію. Въ этомъ — драма настоящаго разсказа: въ несоотвѣстности этихъ двухъ натуръ другъ другу. Всякому мужчине, выходящему въ женщинъ не только самому людскому племени, противно быть свидетелемъ низменнымъ похотѣмъ Михайловой, жалъ становится этого Ляхутина, правильно разсуждающаго, но, въ социальномъ, разсуждающаго такъ, гдѣ слѣдовало властно дѣйствовать и брать во что-бы то ни стало свое счастье. Счастье же всегда принадлежало тому, кто вѣруетъ жалко, пока оно горячо, и не пропускаетъ ни одной благопріятной минуты, а Ляхутинъ пропустилъ ихъ множество, не ожидая, что оно сдѣлается само собой. Противно-ли, нѣтъ-ли видѣть страсть Михайловой, совершенно ни-

потную, но эта страсть на лицо и сь нею нужно считаться. Писатель взял весьма сложную задачу и задачу щекотливую. Надо отдать ему честь: он удачно вышел из нее, не оскорбив лишними подробностями деликатного чувства стыдливости, но оставив вполне реальным. В Михалковой, женщины миссией, г. Боборыкин поназвал обратную, чисто физическую сторону. Понятно негодование Лихутина, понятны его слова в ответ на признание Михалковой: «Вы теперь вишь всякой штры, вишь всякого нравственного чувства!...», но не менее понятна и вполне справедливая мысль, приходящая в голову Лихутину, пока он выговаривает эти слова. «Надо было, думать о ней, снискать ее, покрыть поцелуями, выплакать у ее ног свою страсть и вызвать в ней отклик, в один миг, потому что она была готова к любви, призывала ее своим существом и Аля — только символом того, как она преисполнена жаждой жизни и страсти». Но поступить так Лихутин не мог. В нем заговорили обида, злость, возмущение и презрительное высокомерие мужчины, оскорбленного в сознании своего превосходства. Эти разнобразные чувства жертвили его душу, держали его в оцепенении. Та сторона женской натуры, которую описывает г. Боборыкин в настоящем рассказе, уже не раз занимала его. В романе «Василий Теркин», в давнишнем романе «Поджизни», в повести «В усадьбе и на порядках» этот вопрос уже был разбираем неоднократно романистом. Впрочем, и в других его произведениях он поднимался. Не имея под руками его сочинений, мы не можем предъявить обстоятельной справки и называем на память те повествования, которыми первыми пришли на ум. Но нигде, кажется, этот интересный психологический вопрос не поставлен с такой ясностью. Надо думать, что крымская природа (мало, впрочем, описанная) понадобилась г. Боборыкину, как яркий фон для его психологического рисунка, а личность Аля нарочито взята такая, кото-

рая годится лишь физически на роли первых любовников. Читательницам рассказ г. Боборыкина должен быть весьма неугоден. Женщины неохотно признаются в том, что и низ иногда охватывает чисто физическая страсть. Откровенный цинизм Михалковой должен бить женщин, но своим безстыдством, а тем, что она открывает один из секретов своего пола. Автор не внес, по счастью, никакой тенденции в свой рассказ. Симпатии его, конечно, не на стороне героини, а на стороне огулаченного в своих чувствах Лихутина. В смысле психологического исследования, рассказ поставлен так интересно и ярко, что он может навести на целую череду соображений, более даже длинную, чем того заслуживает взятый автором психологический момент. Выше мы сказали, что эстетическая сторона рассказа, его фабула, не лишает повести ее достоинств, но все-таки фабула является достаточно искусственной, придуманной, силой притянутой. Автор сдвинул бы свое повествование более интересным, если бы вместо Аля поставил кого-либо другого. Ему нужно было взять этого татарчонка, чтобы резко отделить свою мысль, но эта резкость оказалась родственной грубости. Для многих читателей смысл рассказа может пропасть вследствие гадливого чувства, возбуждаемого этим неоправданным приключением. Мы полагаем, что, сняв часть краски и найдя другую противоположность Лихутину, вместо Аля, автор достиг бы больших результатов. И едва ли мы ошибаемся. Михалкова, когда все «будет кончено» и страсть ее пойдет своим ходом и удовлетворение, будет жалеть о случившемся и, несомненно, будет жалеть в своем увлечении. Повесть кончается на том моменте, когда героиня закрывает еще глаза на будущее и страстно живет только настоящим. Неодовольный автор «Аля» продолжает в «Русской мысли» свою длинную повесть «Наша жизнь», о которой мы будем говорить по ее окончании.

В той же «Русской мысли» мы встречаем повесть талантливого писателя г. А. Чехова «Рассказ неизвестного человека». Повесть эта немного притягивает к себе, но достаточно большой известности автора. Повесть обратила на себя внимание критики и едва ли не все газеты провозгласили о ней. Г. Скабичевский посвятил произведению Чехова целых два фельетона. Такое внимание вызвано, кажется нам, не удачным исполнением повести, а некоторою оригинальностью ее построения. Рассказ ведется от имени лаяка Степана (он же Владимир Иванович), называемого автором «неизвестным человеком». «Неизвестный человек» был когда-то моряком, потом пошел в социалы. Ходил своим занятиям крамолой он был доведень до решения убить высокопоставленного чиновника Орлова и, чтобы достигнуть своей цели, поступил лавесом к сыну Орлова, тоже петербургскому чиновнику. Цель своей жизни Степан не достиг и когда случай оставил его с глазу на глаз с стариком Орловым, забывшим к сыну, то лаяк-крамольник отомстил своей замысл и не обрел в себе сил привести его в исполнение. Что было причиною этого, мы не знаем. Г. Чехов дает нам понять, что Степан извратился в «дбло», но втрет, думать, что он нашел другие более живые и более личные интересы. Он влюбился в любовницу молодого Орлова. Этот Орлов — не глупый, образованный, служащий с успехом человек, живет, как живут многие в Петербурге. Он много читает, во чтеніе его молодых не приносит и не имеет никакого влияния на его жизнь. Жизнь эта проходит в кругу таких же, как и он, занятых, будто бы, трутней. В кругу приятелей он уверенно кути, уверенно поигрывает в карты. На стороне он имеет интрижку с замужней женщиной. Он любит ее, как любит свое удовольствие, как любит привычное и приятное развлечение. Но как только она затмила бросить мужа и перебраться к Ор-

до; совершенно для него внезапно, так и некоторым признакам чувства в Орлове наступал конец. Он стал тяготиться чувством своей любовницы, дѣлать ей сцены, убитый изъ дому на недѣлю въ пріятель подъ видомъ поѣздки въ служебную командировку. «Неизвѣстный человѣкъ», какъ лакей, былъ посвященъ въ тайны своего барина и до поры до времени не открывалъ ихъ его любовницѣ. Богу: добровольный отказъ отъ убійства старика Орлова сдѣлалъ для Владиміра Ивановича бесполезнымъ дальнѣйшее пребываніе въ лакейской должности, онъ обличилъ Орлова передъ его сомнительницей и угрожалъ ее бѣжать съ нимъ, или идти въ лакейскіе, за границу. Она согласилась. Они бѣжали. Мы видимъ ихъ въ Венеціи, гдѣ Владимір Ивановичъ заболѣваетъ. (У него еще на службѣ у Орлова была чихотка). Она ходитъ по дружески за нимъ. Затѣмъ они ѣдутъ во Флоренцію. Тамъ она рождаетъ ребенка отъ связи съ Орловымъ — дѣвочку — и отравляется. Дѣвочка остается на рукахъ у Владиміра Ивановича, который въ память любви къ покойной воспитываетъ ее, но, чувствуя, что ему долго осталось жить, такъ какъ чихотка все прогрессируетъ, онъ, пользуясь полученной возможностью открыто и безопасно вернуться въ Россію, везетъ въ Петербургъ свою питомицу и обращается къ Орлову съ просьбой позаботиться о дочери. Орловъ держитъ себя прилично съ своимъ бывшимъ лакеемъ, но ничего не жаждетъ сдѣлать для дочери, понимая свои обязанности совершенно иначе, чѣмъ ихъ понимаетъ Владимір Ивановичъ. По иніціативѣ Орлова, нужно, чтобы мужъ покойной, законной дочерью котораго записана дѣвочка, не отказалъ взять ее и нахлопотать объ этомъ Орловъ изъясняетъ готовность, что, конечно, отвергается его бывшимъ лакеемъ. Недоразумѣнія о будущей судьбѣ несчастной дѣвочки такъ и не разрѣшились и повѣсть окончилась.

Свиданіе Владиміра Ивановича съ Орловымъ совершенно лишнее въ этой, виро-

чемъ сплошь нестройной повѣсти. Что это такое, эта повѣсть? Ес-ли бы это была часть дѣйствительной біографіи «неизвѣстнаго человека», то еще можно было бы понять ея изложеніе, постоянно ибнующее центръ интереса, а въ видѣ беллетристическаго произведенія вся эта исторія совершенно непригодна. Условія, данныя повѣсти, совсѣмъ необыкновенныя. Интеллигентный человѣкъ, заговорщикъ, поступаетъ для выполненія политическаго замысла въ лакеи. Вы ждете, что весь интересъ будетъ сосредоточенъ на дѣйствіяхъ его какъ заговорщика. Начать не бывало. Если бы объ этомъ изрѣдка не упоминалось и если бы не сцена со старикомъ Орловымъ, то читатель и не вспомнилъ бы, что рассказчикъ рекомендовалъ съ самаго начала политическимъ преступникомъ. Онъ мало думаетъ о выполненіи своего умысла, онъ несетъ лакейскую службу, подвергается нападка и дерзости ворочаетъ горничной Орлова, подслушиваетъ барскіе разговоры, возмущается иррессоризацией Орлова и его компаніи, въ день бѣгства отъ Орлова бьетъ на улицѣ одного изъ пріятелей Орлова смерткою букией по лицу, а главнымъ образомъ влюбляется въ любовницу своего барина и очень желаетъ занять около нея его мѣсто. Это не удается не по его винѣ, а только потому, что женщина этого не хочетъ, этому противится, наученная опытомъ, чего стоитъ любовь, и еще не отдавшаяся отъ чувства къ Орлову.

Талантъ г. Чехова дѣлаетъ рассказъ живымъ и занимательнымъ, но все таки у читателя остается крайне смутное впечатлѣніе. Планъ повѣствованія такъ мало обдуманъ, такъ мало уравновѣшенъ, что интересъ привязывается къ каждому отдѣльному эпизоду, а не ко всей повѣсти. Вы бы извинили пребываніе Владиміра Ивановича въ лакеяхъ, если бы онъ не былъ неуловительно въ своей преступной цѣли. Вамъ могло бы быть непріятно наблюдать развитіе преступнаго замысла, но вы знали бы, съ кѣмъ и съ чѣмъ вы имѣете дѣло. Въ дѣйствитель-

ной жизни оно и могло так случиться, как описано: поступил человек на лакейское место с определенной целью, характера достигнуть исполнения цели не хватало, характера уйти и отказаться от намерения тоже не хватало, все думалось — может быть успеем совершить задуманное, а тут и появился новый особый, неожиданный интерес — жалости, а потом любви к женщине. Такой ход вещей бывает, бесспорно, в жизни, но мало ли что в жизни бывает? Описывать шаг за шагом жизнь, выдерживать из одной какой-нибудь жизни несколько страниц и воспроизводить их, хотя бы и с большим талантом, может быть для автора интересно, но вовсе не интересно для читателя. Отдельные картины и эпизоды повести хороши. Описание компании Орлова, этих безсодержательных разговоров, воспроизведение этого особого языка, на котором говорят эти ко всему легко относящиеся люди, — очень живы. Живая — горячая Поля, нахальная, веровка, дерзкая, самоуверенная петербургская испорченная служанка. Многие из суждений любовницы Орлова подмечены очень тонко и воспроизведены очень искусно, но она не представляет собою типа. Не представляется его Орлов, односторонне и пристрастно описанный, с некоторой тенденцией впасть в карикатуру. Сам неизвестный человек менее всех типичен. Его чувства, мысли естественны, реальны, но что это за человек, вы не скажете, прочтя повесть. Он слабый человек, так можно подумать. Но этого еще слишком мало. Литература наша слишком богата типами слабых людей и с этой стороны г. Чехов не представляет ничего нового. Кроме этого отрицательного качества, вы ничего в нем не найдете. Хороший он или плохой человек, добрый или злой, — право, и этого мы не скажем или скажем вполне произвольно. Для нас невольно понятно, почему повесть эта, столь нестройно сдланная, вызвала о себе сравнительно много разговоров. Любон-

ная тема, в ней затронутая, тоже не нова. Как мир — старая истина, что большинство, которого представителем в повести является Орлов, ищет в любви развлечения и бегства от обязательств. Множество эгоистов поступало иконни так, как Орлов: пока его связь была светским адюльтером и не доставляла ему ничего, кроме развлечения, он относился не дурно к своей любовнице, но как только она вторглась в его жизнь и пожелала крѣпче связать его судьбу с своей, нарушила его привычки, его удобства, его эстетический покой, — так он с первого раза и охладѣл. Ничего типичного в изображении этих чувств г. Чехов не дал. Легче всего объяснить себя разговорами о повести установившемуся хорошей репутацией автора, как писателя, с недюжинными талантами.

Г. Ясинский дописал («Наблюдатель» — апрѣль) своих «Лещенцов». Романъ этот, о котором мы уже имѣли случай говорить в одном изъ предыдущихъ обзорѣхъ, чѣмъ далѣе подвигался къ концу, тѣмъ болѣе приобреталъ оттѣнокъ психиала на кого то. Молодой писатель, Дюдоръ Засяткинъ, вступивъ въ связь съ своей давнишней страстью, Вѣрой Лукьяновной, довелъ ее сына, довольно уже взрослого мальчика, до самоубійства съ отчаянія при видѣ распутной жизни своихъ родителей (отецъ не лучше матери) и сдѣлалъ своей любовницей институтку, дочь Вѣры Лукьяновны. Въ концѣ-концовъ, Засяткинъ застрѣлился на могилѣ самоубійцы Васи. Нѣтъ въ жизни той грязи, той мерзости, которая не была бы выворочена въ этомъ романѣ. Г. Ясинский спѣшитъ, изъищетъ-то лихорадочными, захлебывающимися слогомъ передать съ гадости, какія знаетъ о своихъ герояхъ. Онъ описалъ петербургскихъ литераторовъ, а можно думать, что скорѣе онъ говоритъ объ отребьяхъ общества, о какихъ то мазуринахъ. Мы не стараемся разгадывать личныя намеки и разоблачать несомнѣнные личные наскви этого

романа, но мы должны осудить эту манеру писать. Литература, въ особенности беллетристика, имѣетъ болѣе высокія задачи, нежели порочить отдѣльных лицъ, хотя бы они того и заслуживали. Во всемъ романѣ есть только одна симпатичная личность, стоящая въ сторонѣ отъ дѣйствій, писатель Герасимъ Герасимовичъ Ивановскій. Личность эта поставлена въ картинѣ именно такъ, какъ старинные художники ставили себя на историческихъ картинахъ (даже не ихъ эпохи) гдѣ нибудь въ углу. Такъ поставилъ себя подъ именемъ Чижевского покойный Б. М. Марковичъ въ романѣ «Четверть вѣка назадъ». Ивановскій уже ранѣе, въ тѣхъ же симпатичныхъ краскахъ и съ тою же посторонней разсказу ролью, явился у г. Ясинскаго въ романѣ «Вѣчный праздникъ». Тогда хотѣли въ этомъ эпизодическомъ лицѣ видѣть автобиографическія черты. Мы не утверждаемъ этого и передаемъ лишь то, что было ходячимъ слухомъ. Разумѣли г. Ясинскій какое-либо опредѣленное лицо подъ именемъ Засяткина, мы тоже утверждать не можемъ, но съ социальнымъ должны удостовѣрять, что внесение въ некоторые обстоятельства въ исторію Засяткина даетъ читателю руководящую нить, чтобы постигнуть, на кого именно намекаетъ романистъ. Я нарочно избѣгаю указывать на эти обстоятельства, которые, Богъ дастъ, пройдутъ незамѣченными многими читателями. Вѣрно или не вѣрно описываетъ живыхъ людей г. Ясинскій — не важно. Озобливое сочетание въ одномъ лицѣ всѣхъ преступности и порочности позволяетъ уверенно высказаться, что такое скопление преступности бываетъ только въ карикатурахъ, а не въ дѣйствительныхъ людяхъ. Важно осудить этотъ родъ литературы. Всякій писатель беретъ съ живыхъ людей снимки для своихъ вымышленныхъ героевъ, но беретъ, вовсе не желая описывать именно такого-то живаго человека, беретъ отдѣльныя черты, отдѣльныя наблюденія для созданія типа. А фотографировать живаго человека и заниматься ретушировкой его

фотографий с целью сделать его возможно неприглядным, что совсем никуда не годится. Г. Испенский не раз предупреждал в том, что он в своих романах допускает насилие. Эта грустная репутация дала г. Венгерову, автору «Критико-биографического словаря русских писателей», повод написать ужасный и, как оказалось, несправедливый вещи про г. Испенского в биографии киевского профессора Алексеева. Возникшая, вследствие этого, полемика была нами занесена на страницы нашей газеты и мы взяли сторону г. Испенского. Безпристрастие, однако, заставляет нас осудить манеру этого писателя и его недостаток чувства меры. Описывать, обличая, живых лиц заманчиво и этому соблазну вполне противостоять не может ни один писатель. В исследованиях творчества знаменитых писателей мы даже встречаем, где только исследователь мог это уяснить себе, указания на то, с кого списаны тот или другой тип, но какая же разница между портретами и насилием? Не один только этот упрек навлекает на себя г. Испенский. Он слишком в романе «Лицедеи» предается описанию сальных подробностей. От этого роман не выигрывает и монография также мало заслуживает уважения, как и опровержение существующих личностей. Мы не проповедуем утрированного пуританизма: все может служить предметом описания и автор, пишущий не для юношества, а для взрослых, не имеет надобности избегать, но что бы то ни стало, всякого образа или сцены сколько-нибудь вольных, но вольность не должна быть допущена лишь в целях создания непристойной картины. Такою именно сальной картиной следует считать одну из сцен с Катей, дочерью Вьры Лукьяновны, когда она показывает Засятину свои ноги. Тот, кто не прочтает романа «Лицедеи», много выиграет.

От всех этих произведений, напичканных нечистой грешной любовью, отдыхает на таком разказе, как «Мать Агния» г.

Г. О. в «Русском Обозрении» (апрель). Мать Агния — монахиня, скромная, смиренная, но и она, нынче вложившаяся в тесные рамки монастырского послушания, пишет свой роман. Сирота, воспитанная в Смольном, она по выходе оттуда стала жить у брата, отставного армейского капитана, холостяка, мелкопоместного помещика. Брат сосредоточил на ней всю свою способность любить. Он хлопотал о женихе для сестры. Подвернулся сосед, молодой офицер. Молодые люди влюбились друг в друга, капитан застал их на поцелуе. Офицер сделал предложение и вскоре уехал, будто бы к тетке. Брат и сестра, полные самых радужных надежд, отпраздновали сделанное в городе. Елена (впоследствии мать Агния) узнала, что в город свадьба. Что-то подсказало ей, что эта свадьба касается до нея. Урадкой она прошла в церковь и увидела вчужие своего жениха с другою. Она не обнаружила своего присутствия, не сделала скандала, как собиралась, не поздравила своего бывшего жениха при выходе из церкви, как хотела. Она тихо оказалась, вернулась домой, много дней еле жила и плала, хотела утопиться, но вдруг нашла себе утешение и призвание в монастырь. Через десять лет, однажды, посланная за сороком на монастырь, она, сама того не подозревая, забрела в дом своего бывшего жениха, узнала его, была им узнана, но не сказала его жене правды, не смотря на настояния. Из такого фактического пересказа читатель может заключить, что имеет дело с заурядной, через чур правдоподобною повестью, но если прочтешь самую повесть, то увидишь всю необыкновенную прелесть этого безыскусственного поэтического рассказа. В повести нет и малейшей вычурности, она проста, стройна, несложна, как строгая складка монашеской одежды, но в ней столько всепрощающей любви... Одна сцена, когда Елена уговаривает своего расходившегося бра-

та, капитана, не метить обманщицу жену, есть шедевр своего рода. Елена — христианка способная на подвиги смирения и отречения, но автор не скрывает от нас, что и другое она приобрела не сразу, не без жестокой борьбы с собою. Елена не униженная и оскорбленная по природе, не из тех, которые с самооплакиванием и самосожалением несут свой крест и ищут жестоких наслаждений в том, что тревожат свою рану и разбираются в своих страданиях. Елена — натура сильная и прямая. Она способна была и большое чувство и отдала его человеку, который, казалось ей, полюбил ее; когда же она увидела, что обманута, она пришла куда повести свою любовь. Забыть обман, пережить его, искать в новом человеке нового чувства эта чуждая натура не могла. Она простила людям и ушла к Богу. По духу она родная двум чистейшим типам русской женщины — Татьяне Пушкина и Лизе Тургенева («Дворянское гнездо»). Из таких женщин выходят истинные высокие матери. Разсказ ведется от лица родственницы автора и от лица капитана, брата Елены. Про историю матери Агнии родственница говорит автору: «Вот ты все «поэзии в жизни» отыскиваешь, а под носом у себя целаго романа не видишь, да такого, какого тебе и вблизи не сочинить». Это правда. Мы ищем поэзии, романа в чем-нибудь необыкновенном и упускаем из виду, что в каждой жизни есть роман, с тем лишь между ними разницею, что иной, как роман героини повести «Али», весь созданный из земных похотей и из животной страсти, а другие, как роман Агнии, созданы из лучей вечной любви, из порывов к истинному человеческому счастью и из лазуревой, как чистое небо, чистой надежды, благородной уверенности, что один убиение никогда не закрыто для человека, всегда готово для него, убиение любви к Богу и служения Ему.

Н. Струйский.